

Хуанфу Цзюнь проследовал за Мо Цинем в Западный сад и только собрался присесть, чтобы согреться чашкой чая, как тот одарил его сердитым взглядом.

— Кто разрешил тебе садиться?!

Хуанфу Цзюнь прикусил губу и слегка улыбнулся:

— Я вообще-то больной, как у тебя хватает совести забывать об этике врача? — В его чарующих персиковых глазах промелькнуло сложное выражение.

— Протяни руку.

Хуанфу Цзюнь послушно протянул левую руку. По ней от кончиков пальцев до самого запястья тянулась четкая черная линия, которая в районе кисти разветвлялась, вырисовывая на тыльной стороне ладони причудливый узор, напоминавший таинственный и пугающе прекрасный цветок.

Мо Цин нахмурился. Еще сегодня утром, когда они входили во дворец, всё было в порядке, а теперь, спустя совсем немного времени, яд из простой нити превратился в этот зловещий цветок. Мо Цин так крепко сжал кулаки, что ногти впились в ладони, но он даже не заметил этого. Он изо всех сил старался сдержать порыв ударить человека, сидящего перед ним.

— Хуанфу Цзюнь, ты просто молодец. Тебе не дорога собственная жизнь — твое право, но, пожалуйста, не втягивай нас в свои страдания.

Тон Мо Цина был, как всегда, холоден, но Хуанфу Цзюнь не принял это близко к сердцу. Он знал: Мо Цин говорит так только тогда, когда по-настоящему за него переживает.

— Что, всё настолько серьезно? — Хуанфу Цзюнь собрался с духом и с опаской посмотрел на прославленного лекаря. Он знал состояние своего организма, но не был уверен, во что превратится его тело после приезда Бай Цзыцяо.

— За последнюю тысячу лет случаев отравления ядом Бабочки любви почти не было, а те немногие, что случались, всегда заканчивались смертью. — Мо Цин замолчал, глядя на по-прежнему невозмутимого Хуанфу Цзюня, и на мгновение даже не нашелся, что ответить. — Изначально этот яд безвреден для организма, но стоит отравленному испытать сильное чувство, как он начинает распространяться. Как только черная линия дойдет до сердца — наступит смерть. Насколько мне известно, еще никому не удавалось дожить до этого финала.

Мо Цин с тяжелым видом достал пожелтевшую древнюю медицинскую книгу:

— Если бы ты не поддавался чувствам, яд бы никак на тебя не влиял, и я мог бы спокойно искать противоядие.

Не сдержав раздражения, Мо Цин с силой ударил по столу. От боли в собственной руке он даже немного побледнел.

— А что теперь? — Хуанфу Цзюнь сбросил маску улыбки. Казалось, перед нами другой человек — дерзкий, но не утративший самообладания.

— Теперь? Раз уж Бай Цзыцяо оказался рядом с тобой, думаешь, ты сможешь удержаться?

Хуанфу Цзюнь нахмурился. Год назад именно Мо Цин настоял на том, чтобы его выгнали из Павильона Ветра. Хуанфу Цзюнь не боялся ядов, но дорожил своей жизнью. Если он бессмысленно погибнет, кто поможет Юнь Су защитить империю Юнь?

— Я не понимаю.

Мо Цин поджал губы, озадаченно спросив:

— Чего именно ты не понимаешь?

— Ведь раньше я был уверен, что люблю Юнь Су.

Мо Цин тут же отвесил ему оплеуху:

— Яд Бабочки любви не ошибается.

Хуанфу Цзюнь пожал плечами. Он действительно был влюблен в того маленького наследного принца, который пятнадцать лет назад обещал взять его в жены, но в его воспоминаниях что-то не сходилось. Он думал, что любит Юнь Су, но за тринадцать лет яд ни разу не проявил себя, пока не случилось то самое...

Мо Цин, сам не заметив как, снова тщательно прощупал пульс Хуанфу Цзюня.

— Ты... кажется, с тобой что-то не так.

Хуанфу Цзюнь отдернул руку и опустил взгляд:

— Не забивай себе голову, и не говори ему об этом. Я сам найду способ всё исправить.

Даже если не ради собственной жизни, то ради Бай Цзыцяо он обязан попытаться.

— Какие нужны ингредиенты? Говори, я всё достану.

Мо Цин взял кисть, несколько минут размышлял, а затем выписал список редчайших трав. Некоторые из них Хуанфу Цзюнь даже не слышал.

— Слезы русалки, тысячелетний кровавый лотос, ледяная трава, кость дракона? — Хуанфу Цзюнь посмотрел на бесценный рецепт в своих руках и надолго застыл. — Где, по-твоему, я должен всё это искать?

— Девятый дядя, где искать — это твои проблемы. Мое дело — дать тебе лекарство, которое спасет твою жизнь. — Мо Цин с лукавой улыбкой выпроводил Хуанфу Цзюня из Западного сада. — Счастливого пути, девятый дядя.

Хуанфу Цзюнь глубоко вздохнул:

— Фэн И, разузнай, где сейчас проводят аукционы, на которых продают русалок.

— Слушаюсь.

Во дворе не было ни души, но голос прозвучал отчетливо. Услышав шорох рассекаемого воздуха, Хуанфу Цзюнь понял, что Фэн И отправился выполнять приказ. Подавив тревожные мысли, он направился в свои внутренние покои.

<http://bllate.org/book/21730/2245831>